

≈ 14 мин

Войны наш мир разрушают, но бродит уж между развалин

Призрак великий и видный, еще до войны зарожденный.

Миру известен он был, для властей Предержащих ужасен,

Но благосклонен к жильцам городских закоулков. На кухнях

Часто гляделся он, ярости полный, в тарелки пустые.

Ждал изможденных трудом он у шахт и на верфях.

Часто заглядывал в тюрьмы и не предъявлял документов.

Даже в конторах его узнают и в собраниях обширных.

Шляпу из стали порой на себя он надвинет, в огромный

Танк залезает, летает, смертельные сея снаряды.

На языках говорит он, на многих. На многих молчит.

Гость он почетный в трущобах и главное зло для богатых.

Все изменить он пришел и навеки остаться, назвавшись

Коммунизм.

Много неправды о нем говорят и враги, и друзья, и

Ложь эту слышали вы. Некий классик сказал бы вам только:

Пишут историю в память о людях великих; о том, как

Звезды вели их; об армиях мощных, огромных; о взлетах

Царств и о том, как они разрушались. Великие ж люди

В книгах старинных искали другой подоплеки, учили,

Что вся история – это история прежде всего

КЛАССОВЫХ распрей. Поскольку известна борьба им меж классов

Средь всех народов. Рабы и плебеи, equites et patres,

Знать крестьяне, а также ремесленники; буржуа и

Все пролетарии, в доме одном уживаясь, с ножами

Броситься вмиг друг на друга готовы в борьбе всеохватной.

Мудрые учителя показали нам тем всю изнанку

Писанной ради господ истории их подчиненных.

В разное время по-разному власти себя проявляют:

Римский патриций с испанским-то грандом едва ли похожи.

Буржуазия с течением лет изменилась немало:

Здесь целый класс сам поставил угодного деспота к власти,

Там управляются с помощью тысяч чинуш; и кому-то

Любы кровавые войны, кому-то – договора, ведь

Все от страны и ее населенья в итоге зависит.

Власть предержавшие только, увы, неизменны нисколько:

Так же все борются, средства подручные в ход все пускают.

С ревом народы в атаку идут друг на друга; за полем

Битвы другие, конфликты потише, вовсю назревают.

Римские армии Понт столь далекий, холодный штурмуют.

Дома же в Риме родном уж патриций с плебеем дерутся

Немцы воют с французами, а города этих немцев

Кайзер с войною повел на курфюрстов, ему неподвластных

Если ж все классы враждебные разом объединятся,

Чтобы враг внешний скорей восвояси убрался,
Праздновать будет победу их общую тот класс, что выше:
Он и вернется с победою, а остальные сословья
Арки построят им, после поминки по родичам справят
Глубже и дольше, чем междоусобицы разных народов,.
В книгах описанные, столкновения классов различных,
Втайне ведомые или открыто, и не на чужбине,
А у себя в городах, что кончаются переворотом;
Или совместной погибелью тех, кто со властью боролся.
После был век, что кончается ныне, век буржуазии,
Прежде крестьяне теперь стали вдруг горожане, и стены
Крепкие города их защитили от всяких напастей.
Город заметно развился. Сукно потекло на торговлю,
И пробудилась от спячки страна. А по синему морю
Вдаль корабли побежали, до новых земель добираясь:

Африку быстро открыли, к Америке плавали смело.

Рынки Китая, Ост-Индии, Нового Света узнали,

Деньги рекой потекли, и повысился спрос на товары,

Стала промышленность на ноги и своего господина –

Бюргера – ввысь вознесла до высот для него небывалых.

И ремесло отступило под натиском мануфактуры.

Долго виднелись еще золотые ключи, веретёна,

Только вот труд мастеров стал отныне уже непригодным,

Ибо работа вся производилась на мануфактурах.

Рынки повсюду росли, и все ширились их аппетиты.

Даже и мануфактур вдруг для рынков хватать перестало,

Пар и машины на смену в то время пришли им поспешно,

Прежних владельцев от дел отстраняя, они утвердили

Крупных промышленников, толстосумов И прочих буржуев.

Учителя показали доходчиво, как изменился

Рынок, весь мир охватив, и как рынок всемирный

Механизацию дальше подстегивал впредь неустанно,

Вплоть до того как промышленник всюду до власти добрался,

Стал главным классом во всех государствах класс буржуазии.

Прочие власти ему одному потакают, как могут,

Во всех делах неизменно его поощряют и хвалят.

Буржуазия правительницей оказалась суровой.

Вся из металла, ступнею стальнойю она раздавила

Патриархальных идиллий ленивый остаток, порвала

Старую пеструю ленту протекционизма, заставив

Всех подчиняться людей прагматическому интересу.

«Рыцарство», «честь дворянина», «возвышенные идеалы»,

«Верная челядь», «к отчизне любовь», «голос сердца», «призвание»,

«Честным трудом заработанный хлеб» и «служение делу» –

Все это переоценке подверглось холодной и трезвой.

Меновой стоимости не хватать стало многим предметам,
Ценность людей стала рынком товаров вдруг определяться.
Скрытая эксплуатация существовала и прежде;
Тут же она стала явной, бесстыдной и признанной всеми.
Судей, ученых, священников, и докторов, и поэтов,
Тех, к кому прежде испытывали уважение и трепет,
Буржуазия в наемных рабочих зачислила сразу:
Доктор к больному идет как к клиенту, рецепт продавая,
Можно за деньги купить и судью, и святошу, и стража.
То, что ученый придумал для плуга, торговец сбывает
Ради грядущей войны. А художник голодный поспешно
Живописует все прелести буржуазии, умело
Дам приунывших он к жизни искусством своим пробуждает.
Зло ухмыльнувшись, поэта, а также философа ловко
В марионеток она обращает. А знаний обитель

В биржу, и даже святыя оплаты семейства

Быстро становятся местом для сделок безбожных и пошлых.

Что пирамиды для нас и что римские нам виадуки,

Кёльнский собор, крестоносцев и гуннов походы не новы

Тем, кто дороги железные видел и зданий громады,

Классом построенные, что извечно свои ж достиженья,

Тяжко трудясь, превосходит и этим живет превосходством.

Безостановочно новые средства тот класс создает производству,

Воздух и воду на службу себе он давно уж поставил,

И создает матерьялы, которых доселе не знали.

(Трижды меняет свой род полотно современной одежды,

Вилку и нож по-другому совсем научились держать мы,

Новые образы вечно наш глаз привлекают и тешат.)

Класс тот людей изменяет, на фабрики гонит крестьян он,

Толпы ремесленников к берегам призывает он новым.

Села растут, города, где металл и руду добывают,

Прочие же вымирают, когда из них люди уходят.

Многие там богатеют, где прежде сидели без хлеба.

Средства и способы для производства всегда охранялись,

Власти их трепетно оберегали, теперь же и власти

Сами пошли на уступки, чтоб общество не взбунтовалось.

Зданий громады на зыбкой от века земле воздвигая,

Класс тот страшится лишь ржавчины, топи болотной, все время

Превосходя обстоятельства, нравы, устои, привычки.

Что застоялось – падет, было свято – анафемой станет.

В вечном движенье теперь человек на земле закружился,

Трезвый свой взгляд наконец обратив к мирозданию.

Все это, кстати, не только в одном уголке происходит,

Ведь чтобы сбыть свой товар, все растущий в объеме,

Буржуазия весь свет обошла, заглянула повсюду.

Там, где могла, закрепились, устроилась, влезла, прижилась,

Вязкие нити свои повсеместно она натянула

Выпуск товаров и их потребление везде утвердились.

Всюду как дома она и нигде. Дорогие ремесла

Старых традиций она умерщвляет не глядя, находит

В странах далеких сырье. На заводах удовлетворяет

Нужды и прихоти между собою различных народов.

В горы товары спешат, уже под облака устремляясь,

Сгнил там шлагбаум давно, и проходят они без смущенья.

ДЕШЕВО – вот их пароль. Но седой там старик! Неужели

Будут священники сыпать проклятия? Нет, они купят.

Стены высокие и неприступные! Хваты умелые

Сносят китайские стены зарядами ярких нарядов

И ухмыляются. Им нипочем океаны и горы.

Нужен народу народ, убеждают торговцы. А блага

Духа есть общие ценности, скажет ученый. Как жадно

В Риме биологи ждут публикаций из Принстона свежих.

Руки японцев допишут, чего не успеют датчане.

Вместе ученые мира опишут его и рассмотрят.

Разных народов предания сложатся все воедино.

Тяжко дыша, из утробы судов заграничных вывозит

Кули товары, которых ни разу не видел, за ними

Следом он катит станки, породившие эти товары.

Варваров так буржуа в буржуа превращают таких же,

По образцу своему, сотворяя людей в этом мире.

Так города, разрастаясь, страной управлять начинают,

Искореня тоску и печаль деревенского быта.

Так же и страны, где бал правит буржуазия, всевластны

Над сырьевыми придатками и управляться умеют

С варварами – так на Западе правят отсталым Востоком.

И механизмы, и люди, и собственность существовали

Врозь, а теперь все слились воедино. Быстрее, быстрее

Копят орудья труда на заводах огромных, владенья

В руки немногих попали и множатся с каждой минутой,

И собирается много людей у больших очагов производства.

Области новые в поле политики вдруг появились.

В бешеных схватках дерутся и те, что ходили в обнимку,

А регионы различные, все со своими правами,

Объединяются в нации, схожи у них интересы

Национальные – все подчинятся верховному классу.

Прежде не знала земля лихорадки такой производства,

Что появилась во время правления буржуазии.

Эта владычица пар с электричеством поработила.

Русла расширила рек, целину подняла и вспахала,

Нефть, из земли накачала, чтоб двигать суда и машины,

Уголь добыла, высокие горы его взгромоздила,
Да и железо, что тысячи лет под землю лежало,
В депо пошло на мосты подвесные, валы и турбины,
Реки с озерами свет в города и деревни приводят,
Лес превратился в бумагу прозрачную – в книги, в газеты.
Десятилетия спустя, как у нас появилось желанье
Сразу на всех континентах прожить отведенное время,
Стал сам эфир нам помощником. Также впервые поднялись
В воздух людьми пилотируемые машины. А прежде
Люди и знать-то не знали, что ждут их свободы такие,
В сне закоснелом своем о прогрессе таком не мечтали.
Знати владенья внутри государств абсолютных монархов
Сдерживали производство товаров в масштабах ничтожных,
С этим активно и жестко покончила буржуазия.
Как ураганы бушуют теперь очаги производства,

Уничтожая издревле завещанный миропорядок.

Классы, что прежде на службе господ состояли, на части

Рвут документы свои, привилегии не признавая.

Прежнее право бесправно, а мудрость глупа, изменилось

Все. Храмы тысячелетия стояли, нисколько угроз не пугаясь,

Нынче же многие рушатся, поступь победную чуя.

Те, что стоят и поныне, внезапно обличье сменили

И удивительно стали на новые власти похожи!

Сил производственных натиск великие внес измененья.

Некогда сбросив дворян, видит буржуазия сегодня

Мощные бури, что ей уж не в шутку самой угрожают

Класс этот, к власти пришедший, сменивший систему правленья,

Сил производственных мощь так наглядно явивший,

Сход с тем волшебником, что заклинает подземные силы,

После же остановить их и снять заклинанья не может.

Дождь так посева сперва орошает, растит и лелеет,
Не перестав же, затопит, погубит – так и производства
Быстро владения буржуазии они умножают,
Но подвергают ее же притом они рискам великим.
Ныне история крупной промышленности и торговли
Стала историей бунтов работников на производствах.
Против господства и самоуправства структур буржуазных.
Кризисы мощные, вновь возвращаясь, похожи на руки,
Ощупью все настигающие – и торговлю, и рынки,
В ярости тихой они и заводы, и просто дома потрясают.
Голод людей умерщвлял, если вдруг пустовали амбары –
Ныне же мы голодаем, поскольку еды слишком много.
Нечем сегодня кормить матерям своих бедных детишек,
Лишь потому, что зерна слишком много хранится впустую.
Всякого рода материи без примененья томятся,

Семьям же бедных уж нечем прикрыть свои члены нагие,

Их прогоняют с квартир, и пустуют квартиры немые.

Эксплуатировать больше никто уже бедных не хочет.

Прежде трудились они, от отчаянья изнемогая,

Ныне отчаянно ищут работу. Так что же случилось?

Здание общества, столькими муками данное жизни,

Рушится к варварским нравам опять нас, людей, возвращая.

Не ЛИШЕНЫ мы чего-то, а НАДЕЛЕНА слишком многим.

Дом для житья непригоден, материи – не для одежды,

Хлеб лишь один для еды: пусть же выгоду он и приносит.

Перевод С. Городецкий.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.